

Письма къ читателямъ.

Переживаніе наиболѣе приспособленнаго
есть законъ эволюціи *животнаго*; самопожерт-
вованье есть законъ эволюціи *человѣка*.

Проф. Гексли.

Въ первой половинѣ Іюля прошлаго года (1909) улицы Лондона, идущія отъ Темзы мимо Чарингъ-Кроссъ и Трафальгаръ-скверъ до самаго Хайдъ-парка, на разстояніи болѣе трехъ верстъ, представляли изъ себя совершенно необыкновенное зрѣлище: по ней двигалась забавно оригинальная процессія друзей животныхъ, которые митингомъ въ Хайдъ-паркѣ заканчивали свой международный конгрессъ. Въ этой процессіи участвовали представители всѣхъ странъ съ своими знаменами. кромѣ Россіи *), и не менѣе ста различныхъ союзовъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ защитѣ животныхъ, но пожелавшихъ выразить свое сочувствіе конгрессу. Особенность этой необыкновенной процессіи состояла въ томъ, что въ ней участвовали и герои конгресса, въ видѣ лошадей, ословъ, кошекъ, собакъ, кроликовъ и т. д. Задолго до начала конгресса, по всему Лондону были вывѣшены объявленія о томъ, что всѣмъ сочувствующимъ защитѣ животныхъ предлагается принять участіе въ процессіи, а у кого есть домашнія животныя, захватить и ихъ съ собой. Благодаря этому, со всѣхъ концовъ Лондона, въ томъ числѣ и изъ трущобъ, выползли обыватели съ своими четвероногими друзьями, и нельзя сказать, чтобы эта часть процессіи отличалась красотой: здѣсь виднѣлись и оборванцы и нищія старушонки, которые несли на рукахъ или держали за веревочку такихъ же бѣдняковъ, какъ и они сами, съ

---

*) Въ процессіи участвовали два русскихъ теософа, но въ виду правила, установленнаго конгрессомъ, по которому требовалось не менѣе пяти представителей для того, чтобы нести національное знамя, русское знамя отсутствовало на конгрессѣ.

възърошенной шерстью и слезящимися глазами и все же трогательно разукрашенных пестрыми бантиками. Но было много и красивыхъ подробностей: людская процессія прерывалась отъ времени до времени нарядными колесницами, разубранными цвѣтами, на которыхъ красовались то разные звѣрки, то хорошенькая дѣвочка въ костюмахъ феи съ котенкомъ на рукахъ, то изъ-за зеленыхъ вѣтокъ выглядывала рыженькая бѣлка, надъ которой развѣвалось шотландское знамя съ такой надписью: *Кто говоритъ о любви, но не являетъ милосердія къ беззащитнымъ тварямъ, тотъ не знаетъ любви.* Очень интересна была огромная ломовая лошадь въ чепчикѣ и въ цвѣтахъ, которую съ гордостью вель въ поводу ея хозяинъ. Тутъ же участвовалъ и союзъ дѣтей „Dog's Friends“ (друзья собакъ), сотни мальчиковъ съ своими пріятелями всевозможныхъ породъ и размѣровъ; были тутъ и простыя дворняжки, но онѣ терялись въ толпѣ мопсовъ, которые, оказывается, занимаютъ первое мѣсто въ сердцахъ англійскихъ мальчиковъ.

Не менѣе разнообразны были и представители двуногой породы: ученые, доктора, члены парламента, свѣтскія дамы, трущобные хулиганы, всѣхъ соединило въ одну дружную толпу доброе чувство къ „беззащитнымъ тварямъ“. Очень выразительны были картины и надписи на развѣвавшихся поверхъ процессіи знаменахъ. Одно изъ нихъ было даже изъято изъ употребленія по распоряженію блюстителей порядка, которые опасались, какъ бы оно не вызвало волненія на улицахъ. На этомъ знамени были изображены два увеличенные фотографическіе снимки собаки, *до* вивисекціи и *посль* нея. На одной сторонѣ знамени видѣлась здоровая сильная собака, а на другой—измученный призракъ, съ такой печатью страданія на всемъ исхудаломъ тѣлѣ, что на нее страшно было смотрѣть.

Улицы, по которымъ двигалась процессія, были переполнены народомъ: со всѣхъ сторонъ раздавались смѣхъ и остроты надъ четвероногими демонстрантами и даже корректные полисмэны, выстроенные по обѣимъ сторонамъ, чтобы охранять процессію, съ трудомъ удерживались отъ веселыхъ улыбокъ. Всѣ звѣри имѣли видъ смысленный и полный достоинства, словно они хорошо понимали, къ чему все это клонить; одна изъ собакъ несла въ зубахъ копилку съ надписью: „на помощь страдающимъ животнымъ“ и вѣжливо пріостанавливалась, когда туда бросали деньги.

Когда процессія вошла въ Хайдъ-паркъ, не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ его огромная лужайка превратилась въ

живописный лагерь, окруженный, какъ заборомъ, воткнутыми въ землю знаменами; всѣ, и люди, и звѣри, усѣлись на траву, откуда то появились чашки съ водой, изъ которыхъ четвероногіе участники процессіи принялись усердно лакать; на подвѣхавшія повозки-платформы взобрались ораторы, и понеслись горячія рѣчи противъ убійства животныхъ и противъ вивисекціи, при чемъ доводы ораторовъ опирались не только на нравственныя чувства, но и на научныя изслѣдованія.

Подобные конгрессы имѣютъ значеніе общественныхъ показателей: здѣсь уже не протестъ единичныхъ личностей, здѣсь сказывается пробужденіе общественнаго сознанія. Народъ, который начинаетъ задумываться надъ своимъ отношеніемъ къ живымъ тварямъ, вступаетъ уже на высшую ступень сознанія. Было время, когда люди поѣдали своихъ ближнихъ и находили это вполне естественнымъ. Это время осталось далеко позади, и грѣховность людоедства не вызываетъ болѣе ни въ комъ сомнѣнія. Но до сознанія грѣховности убійства животныхъ мы еще не доросли, и только немногіе опередившіе остальныхъ начинаютъ протестовать противъ грубаго эгоизма, съ которымъ человѣкъ относится къ „беззащитнымъ тварямъ“. А между тѣмъ, пока мы не создадимъ и въ этой области жизни новыхъ нравственныхъ нормъ, отвѣчающихъ не грубымъ инстинктамъ нашей низшей звѣриной природы, а растущей потребности стать дѣйствительно человѣчными,—до тѣхъ поръ мы останемся по существу варварами, сколько бы не утончалась наша виѣшняя культура. Нечего закрывать глаза на то, что наша человѣчность остается вообще подъ большимъ сомнѣніемъ, разъ наши законы терпятъ организованныя бойни, гдѣ цѣлые гекатомбы жизней *) приносятся въ жертву нашимъ похотямъ и гдѣ создается низшій типъ человѣка, пропитанный испареньями крови и дѣлающій за насъ то жестокое и грязное дѣло, которое почти ни у кого изъ насъ не хватило бы силы сдѣлать самому.

И чѣмъ оправдываются эти преступленія противъ чужой жизни? Тѣмъ, что природа „жестока“, что убійства разлиты въ ней какъ обычное явленіе, и что не одинъ человѣкъ, а и всѣ твари занимаютъ истребленіемъ другъ друга. Но если это даже и такъ,—а согласиться съ этимъ можно лишь съ большими оговорками, потому что всѣ тигры и пантеры, вмѣстѣ взятыя, лишь невинные младенцы въ сравненіи съ кровожадностью человѣка,—

*) Въ Чикаго, гдѣ на бойняхъ ведется статистика, убивается ежечасно 2.400 жертвъ.

животныя дѣлають это такъ же стихійно, какъ растетъ трава, они не сознають, что это дурно, и потому не отвѣчаютъ за свои убійства. Но положеніе совершенно мѣняется, когда дѣло идетъ о человѣкѣ, одаренномъ сознаниемъ и совѣстью. Передъ нимъ вся природа съ ея безчисленными дарами, которыми онъ можетъ питаться безгрѣшно, и если онъ предпочитаетъ убійства и нанесеніе страданія, онъ *долженъ отвѣчать за это*. Цѣлыя стада разводятся имъ искусственно для того, чтобы прирученныхъ животныхъ, лишенныхъ всѣхъ средствъ самозащиты, убивать для удовольстворенія своихъ вкусовыхъ ощущеній. Да, я утверждаю, что здѣсь вопросъ идетъ не о необходимости поддержать свое существованіе, а о вкусовыхъ ощущеніяхъ. Вѣдь мы знаемъ, что цѣлыя народы обходятся безъ животной пищи, и что съ каждымъ днемъ во всѣхъ странахъ міра возрастаетъ число вегетаріанцевъ, которые бросаютъ мясную пищу и не только не страдаютъ отъ этого, но испытываютъ явную пользу для своего здоровья.

Наше сознание полно предрассудковъ и суевѣрій. Переходя на новую ступень развитія, мы еще долго живемъ по инерціи тѣмъ, что осталось позади, пережитками варварства, которые мы въ дѣйствительности уже переросли. Къ такимъ пережиткамъ относится и питаніе убитыми животными, и глубоко правъ былъ Л. Н. Толстой, когда сказалъ: „мясояденіе есть пережитокъ варварства, и переходъ къ растительной пищѣ есть самое первое и естественное послѣдствіе просвѣщенія“.

Кромѣ того, питаніе мясомъ убитыхъ животныхъ поддерживается нашимъ глубокимъ невѣжествомъ относительно тѣхъ тонкихъ процессовъ жизни, которые совершаются въ невидимой лабораторіи нашего физическаго организма. Мы совсѣмъ не считаемся съ нуменальной стороной того, что мы вводимъ въ свой организмъ, а между тѣмъ матеріалъ, изъ котораго мы строимъ его, не кирпичи, а живая субстанція, проникнутая опредѣленными психическими свойствами, которыя не поддаются ни взвѣшиванію, ни химическому анализу.

Мы совершенно не задумываемся надъ тѣмъ вліяніемъ, какое наше безжалостное отношеніе къ поѣдаемымъ нами животнымъ можетъ имѣть на качество матеріала, изъ котораго мы строимъ наше физическое тѣло. А между тѣмъ, все наше физическое благосостояніе въ непосредственной зависимости отъ дурнаго или хорошаго характера нашихъ отношеній къ *міру внѣ насъ*. Благодаря глубокому невѣдѣнію со стороны матеріалистической науки тѣхъ процессовъ жизни, которые творятся подѣ

внѣшнимъ покровомъ явленій, она не только допустила, но и санкціонировала три рода преступленій противъ животныхъ: отнятіе у нихъ жизни *для питанія нашего тѣла*, привитіе здоровому животному болѣзней *для поддержанія нашего здоровья* и жестокія мучительства надъ его организмомъ *для развитія науки*. Всѣ эти преступленія, какъ и все грѣховное, могутъ дать только дурные результаты, и съ развитіемъ просвѣщенія они будутъ осуждены и изгнаны изъ того новаго строя жизни, къ которому мы медленно, но неизбѣжно подвигаемся. Но даже и въ наше время, на Западѣ, особенно въ Англіи, возникъ цѣлый походъ авторитетныхъ медиковъ и ученыхъ противъ нашего грѣховнаго отношенія къ животнымъ. Не мало просвѣщенныхъ докторовъ пришли уже къ убѣжденію, что море крови, которое ежегодно проливается ради питанія челоуѣчества, идетъ ему не на пользу, *а во вредъ*: оно усиливаетъ животныя страсти, вызываетъ склонность къ алкоголизму и создаетъ цѣлый рядъ заболѣваній. Передовая медицина доказываетъ, что тамъ, гдѣ мясное питаніе вытѣсняетъ все болѣе изъ народнаго обихода растительную пищу,—растутъ заболѣванія и особенно три бича современныхъ клиникъ: воспаленіе червообразнаго отростка, чахотка и ракъ *), которые всѣ три въ непосредственной связи съ обильной мясной пищей и почти совсѣмъ отсутствуютъ у вегетаріанцевъ. Рядомъ съ этими выводами медицинской науки, растетъ число ученыхъ, которые доказываютъ, что оспопрививаніе и другія предохранительныя прививки вносятъ въ организмъ нашихъ дѣтей столько заражающихъ ядовъ, что весьма сомнительная польза этихъ прививокъ сводится къ отрицательной величинѣ. Они утверждаютъ, что улучшеніе гигиеническихъ условій является несравненно болѣе вѣрнымъ предохранительнымъ средствомъ противъ заразныхъ заболѣваній, чѣмъ всевозможныя прививки. Не менѣе поколеблена вѣра и въ пользу вивисекціи. Изъ лагеря ученыхъ все чаще раздаются голоса противъ безцѣльныхъ мученій, которымъ беззащитныхъ животныхъ подвергаютъ въ ученыхъ застѣнкахъ. Все чаще встрѣчается и въ передовой литературѣ, и среди наиболѣе благородныхъ представителей науки осужденіе нашему безжалостному отношенію къ животнымъ какъ съ точки зрѣнія гигиены,

---

*) По статистическому отчету за 1909 годъ министерства народнаго здравія въ Новой Зеландіи, оказывается, что страна эта подверглась настоящему народному бѣдствію въ видѣ повальныхъ заболѣваній ракомъ. Объясняется это дешевой баранины, которую Ново-Зеландцы ѣдятъ три раза въ день вмѣсто хлѣба, который имъ обходится дороже мяса.

такъ и съ точки зрѣнія усовершенствованія человѣческаго типа и усиленія нравственнаго чувства. Изъ этого можно заключить, что наше сознаніе дѣйствительно переходитъ на высшую ступень, но необходимо, чтобы это выросшее сознаніе проникло въ жизнь, чтобы оно вызвало коренныя реформы во всѣхъ подробностяхъ нашего обихода и подняло весь нравственный кодексъ нашего поведенія.

Но есть въ этихъ вопросахъ еще одна сторона, совершенно чуждая западному сознанію, сторона оккультная, относительно которой мнѣ и хотѣлось бы дать нѣсколько указаній моимъ читателямъ. Если допустить хотя бы какъ гипотезу, что за видимымъ физическимъ міромъ существуютъ міры невидимые, а за проявленіями физическаго организма кроется невидимая жизнь сознанія, сохраняющаяся послѣ смерти, въ такомъ случаѣ необходимо поставить вопросъ: куда же дѣвается „жизнь-сознаніе“ тѣхъ безчисленныхъ существъ, которыя ежеминутно—порознь и цѣлыми массами—убиваются человѣкомъ? И имѣетъ ли какое-либо отношеніе сознаніе убитыхъ къ убиваемымъ? Наука молчитъ на этотъ вопросъ, этика европейскихъ народовъ—какъ и во всемъ остальномъ—довольствуется компромиссами, или же ссылается на Библию, на проблематическаго пасхальнаго агнца, и т. д. Совсѣмъ иначе говоритъ этика древняго Востока или современный теософъ. Онъ утверждаетъ, что *жизнь едина* и *законъ единъ* для всей вселенной, видимой и невидимой, и что нарушая законъ здѣсь, на землѣ, мы *неизбѣжно* создаемъ тяжелыя послѣдствія въ невидимыхъ мірахъ, которыя можно считать нуменальной стороною міра видимаго; и послѣдствія эти, въ свою очередь, отражаются на земной жизни и приносятъ съ собой благо или бѣдствія съ такой же математической точностью и неизбѣжностью, съ какой ударяющееся о каменную стѣну твердое тѣло отскакиваетъ назадъ.

Одной изъ самыхъ укоренившихся идей современнаго сознанія является право собственности. Это „священное право“ относятъ къ вещамъ, домамъ, землямъ, и здѣсь оно ограждается закономъ и нравственнымъ чувствомъ. Но какъ только вопросъ касается величайшаго изъ всѣхъ правъ, права живого существа на жизнь, тутъ на нравственное сознаніе современнаго человѣка набрасывается покровъ, сотканный изъ слѣпотаго эгоизма, и покровъ этотъ заставляетъ человѣка воображать, что весь міръ созданъ для однѣхъ его потребностей, что всѣ окружающія его существа, сходныя съ нимъ по организаціи и по способности радоваться и

страдать, существуютъ только ради него, и ихъ жизнь, столь схожая съ его собственной жизнью, не имѣетъ ни своей собственной эволюціи, ни своей собственной цѣли.

Видѣлъ ли кто-нибудь изъ моихъ читателей, питающихся мясомъ, выраженіе ужаса въ глазахъ той курицы, которой дворникъ или поваръ перерѣзываетъ горло? И многіе ли отваживались, какъ Л. Н. Толстой, сходить на общественную бойню и наблюдать надъ психическимъ состояніемъ тѣхъ животныхъ, надъ которыми заносится ножъ убійцы? Кто видѣлъ эти картины, тотъ знаетъ, что въ эти минуты отъ животнаго отдѣляется напряженная сила, которую можно назвать ужасомъ и предсмертной тоской. Куда же дѣвается эта сила и во что преобразуется она? Мы прекрасно знаемъ, несмотря на все наше невѣжество въ области душевныхъ переживаній, что любовь вызываетъ любовь, а ненависть порождаетъ ненависть, и что эти невидимыя силы создаютъ совершенно реальную связь между любящими и ненавидящими. Но мы видимъ только обрывокъ этихъ взаимодействій, выразившійся здѣсь на земномъ планѣ; остальная игра тѣхъ же самыхъ взаимодействій ускользаетъ отъ наблюдений нашего трехмѣрнаго разума. Но она продолжается въ четвертомъ измѣреніи, въ неуловимыхъ для огромнаго большинства мірахъ съ такой же логикой и реальностью, съ какой опредѣленные послѣдствія слѣдуютъ за причинами, которыя мы можемъ видѣть и осязать здѣсь, на землѣ. Я сказала „огромное большинство“ потому, что даже и въ наше время появляются люди съ раскрывшимся внутреннимъ зрѣніемъ, которое даетъ имъ возможность производить наблюденія въ области невидимыхъ міровъ. И то, что они тамъ видятъ и что рассказываютъ, совершенно логично и вполне соотвѣтствуетъ закону причинности, который дѣйствуетъ и у насъ, на землѣ.

Допустивъ, что кромѣ нашего осязаемаго міра существуютъ невидимыя міры, гдѣ жизнь-сознаніе продолжается, когда физическая оболочка убита, слѣдуетъ сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ и спросить себя: какъ отражаются въ этихъ мірахъ страданія убиваемыхъ нами животныхъ? Чѣмъ выражается этотъ трепетъ ужаса и предсмертной тоски безчисленныхъ жертвъ, жизненный опытъ которыхъ прерывается человѣкомъ снова и снова недоконченный? Куда устремляется неудовлетворенная жажда жизни, всѣ обрѣзанныя нити ощущеній, всѣ уничтоженныя возможности? Не естественно ли предположить, что весь потусторонній міръ переполненъ вибраціями страха и ненависти къ чело-

вѣку? И не получаютъ ли характеръ полной вѣроятности рассказы ясновидящихъ о томъ, какія угрожающія, ужасъ наводящія явленія несутся на встрѣчу душъ злого человѣка, вступающаго въ потусторонній мѣръ?

Отчего происходитъ страхъ смерти? Оккультистъ знаетъ, что этотъ страхъ—опытъ души, которая въ бреду, въ болѣзни или во снѣ, освобождаясь изъ своего физическаго тѣла, переносилась въ астральный мѣръ и видѣла, съ какой жуткой реальностью астральныя формы убитыхъ и замученныхъ животныхъ набрасываются на своихъ умершихъ мучителей. Между убійцей и его жертвой возникаетъ невидимая для насъ, но чрезвычайно сильная магнетическая связь, которая выражается въ потустороннемъ мѣрѣ тѣмъ, что убитый привлекается къ виновнику своей насильственной смерти, всюду слѣдуетъ за нимъ до тѣхъ поръ, пока не закончится очистительный періодъ перешедшей въ загробный мѣръ души. Можно себѣ представить, какъ пріятно пребываніе въ этомъ мѣрѣ ученаго вивисектора, за которымъ упорно гонится стая стонущихъ и воющихъ отъ боли истерзанныхъ жертвъ его научныхъ опытовъ... И напрасно стали бы мы оправдывать себя тѣмъ, что намъ невѣдомы эти невидимыя нити жизни, что мы ничего не знаемъ о переживаніяхъ убиваемаго животнаго. Нѣтъ, каждый изъ насъ видѣлъ хотя бы мимолетно, какія отчаянныя усилія оно дѣлаетъ, чтобы сохранить свое право на жизнь. И каждый знаетъ, что грѣховность убійства сказывается въ глубинѣ нашей совѣсти совершенно отчетливо, и когда жертвой является человѣкъ, мы ужасаемся и не колеблясь осуждаемъ убійцу.

Но эта отчетливость появилась вмѣстѣ съ эволюціей нашего нравственнаго сознанія: было время, когда человѣкъ убивалъ своего собственнаго брата съ легкимъ сердцемъ. Въ настоящее время мы достигли той ступени, на которой убійство человѣка карается и закономъ и мученіями совѣсти, но на убійство и мучительство животныхъ все еще дается разрѣшеніе и собственной грубостью и судомъ общественной нравственности. Несомнѣнно, что и эта ступень останется позади насъ, какъ остались позади вѣка людоубійства, и настанутъ времена милосерднаго отношенія къ беззащитнымъ тварямъ. Тогда измѣнятся и условія въ потустороннихъ мѣрахъ, вибраціи этихъ міровъ не будутъ отражаться тяжелыми вліяніями на нашъ земной мѣръ, и люди перестанутъ бояться смерти. Развѣ мы не знаемъ, что и въ наше время кроткіе и любящіе умираютъ безъ всякаго страха.

Современное человѣчество начинаетъ уже приближаться къ той ступени своей эволюціи, когда его движеніе впередъ требуетъ яснаго сознанія *единства жизни* и осуществленія на дѣлѣ *закона любви и милосердія*. И отдѣльный человѣкъ, и цѣлый народъ, сознательно нарушающій законъ любви, работаетъ надъ своимъ угасаніемъ, ибо будущее за сильными въ любви, а не въ кулачномъ правѣ, за побѣдившими свою низшую звѣриную природу, а не за рабами ея. Вотъ почему истинный теософъ такъ горячо протестуетъ противъ боенъ и противъ вивисекціи: во имя чего бы не совершалась жестокость, она всегда влечетъ за собой соотвѣтствующее возмездіе.

Тонкое чувство чести было во всѣ времена признакомъ благороднаго происхожденія. Это чувство законное, но оно искажено узкимъ пониманіемъ рыцарской формулы: *noblesse oblige* (благородство обязываетъ). Истинная человѣчность требуетъ расширенія этой формулы на весь Божій міръ, на всѣхъ, зависящихъ отъ великодушія человѣка. И несомнѣнно придетъ время, когда растущая совѣсть *заставитъ* человѣка осудить всѣ хищническія поползновенія въ томъ мірѣ, гдѣ онъ фактически является властелиномъ и законодателемъ. И тогда онъ начнетъ строить новую культуру, основанную не на жестокости, а на любви, которая одна въ состояніи принести человѣчеству и физическое здоровье, и истинное благополучіе.

Другъ читателя.

О мать, велика моя радость: я нашель истиннаго Гуру.

Да будетъ благословенъ истинный Гуру, знающій Господа и заставившаго насъ полюбить друга и врага!

Размышляй въ благовонный утренній часъ о великихъ свойствахъ Истиннаго Слова!

Сколько бы не мыли водой свое тѣло, о братъ, оно все же не чисто; окунемся въ глубокія воды высшаго вѣдѣнія, о братъ, да очиститъ оно и тѣло, и духъ!

(Изъ Св. Писаній Сикх'овъ; см. стр. 3).